

Вырезка из газеты

ЛЕНИНСКАЯ
СМЕНА

г. Горький

2-5 АВГ 1984

Заслуженный артист РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола Родион Нахапетов знаком практически каждому, кто любит кино, — и как актер, и как режиссер, и как один из ведущих телевизионных ведущих «Спутник кинозрителя». Сегодня Нахапетов — наш собеседник.

— Зритель часто склонен отождествлять актера с его персонажем, мешая ли это вам в жизни, Родион Рафаилович?

— Ну, как правило, я играю героев положительных, поэтому ошибки не так страшны (раньше, встретив экранного негодяя на улице, могли и поколотить: считали, что хорошему человеку мерзавца играть не поручат). Есть другая крайность, когда на тебя переносят чрезмерную любовь к твоему персонажу... Вот, по общему мнению, в картине «Влюбленные» у нас с Вертинской получился хороший любовный дуэт. И публика соединила нас чуть ли не в семейную пару. «Ведь вы так смотрели друг на друга, — говорили мне при встречах. — Так сыграть любовь, ничего не чувствуя, невозможно!» К их разочарованию, мне пришлось рассказывать, что в тгонувшей их сцене мы снимались по отдельности. Актрису не отпускали из театра, и, чтобы не терять время, режиссер велел камеру поставить на рельсы, а мне идти рядом с ней и, глядя «горящими» глазами в объектив, говорить свой текст. Потом так же отсняли Вертинскую... В амплуа лирического героя мне предлагают выступать часто, в год приходится сниматься в двух-трех лентах, где есть любовь. Если подумать, что каждый раз я влюбляюсь в свою партнершу всерьез, моя жизнь покажется очень бурной и неуемной. А я совсем не собираюсь забывать о своем долге, о семье — жене и двух дочках, которых очень люблю.

— А бывает, что зрители ценят в вашей работе не то, что нужно?

— Сплошь и рядом. Вспомнить тот же фильм «Влюбленные», с которого по-настоящему и началась моя киносъемочная жизнь. Снимали сцену, где мой герой Родион после разлуки с любимой падает во время дождя в горную реку. Постановщик придумал такой поэтический ход, что в это же время по воде плывут арбузы... Дубль за дублем в одежде и ботинках я падал в ледяную реку (съемки шли в ноябре), и когда вылезал весь в синяках обратно, видел в глазах местных жителей, собравшихся посмотреть, как делают кино, восхищение. Каждый пытался похвалить, угостить вкусняшкой. А настоящего актерского труда в этом эпизоде не было: нужно было лишь держаться на воде и, играя с арбузами, изображать возвращение моего героя к жизни... Когда же стали снимать следующий кадр, где мы с Вертинской сидим спиной к спине на маленьком островке и беседуем, все

восхищение (и угощение) доставалось техническому персоналу группы, который стоял вокруг островка по колена в воде. А эта сцена была как раз очень сложна актерски: мы часами искали нужный оттенок реплики, мимики.

— Ваше первое появление на экране состоялось в фильме В. Шукшина «Живет такой парень», где вы играли инженера, соперника Пашки

Но придя в кино, мне прежде всего пришлось столкнуться с трудностями психологического плана. Ведь еще студентом мне довелось сыграть Владимира Ильича Ленина в дилогии М. Донского «Сердце матери», «Верность матери». Сколько тогда надо было прочесть, узнать, осмыслить! Сложно было не то, что герой по ходу фильма проживает большой отрезок времени — почти тридцать

спиртом, треть бензином.

— Но за время съемки от жары «юпитеров» грим мог потечь...

— За этим тщательно следили не давали перегреваться. Не давали даже обедать. Это я шучу. Но одно время действительно гримеры попросили меня какое-то время воздержаться от еды во время съемочного дня. Потому что если 7-10 минут активно двигал челюстями,

озвучивания другую актрису. Приходилось огромными буквами писать текст на листах, а я держал Дурасову в тонателле за руку и подавал сигналы, когда ей вступать. Так почти вслепую она озвучила роль и очень гордилась, что сделала это сама (телезрители могли оценить эту работу, она показывалась перед премьерой моего телефильма «О тебе»).

— Над чем как режиссер

СУДЬБА МОЯ — КИНЕМАТОГРАФ

Колокольникова. Расскажите о своих впечатлениях от молодого Шукшина.

— Меня уже тогда поражаало его знание народной жизни. Он любил актера и удивительно понимал специфику нашего творчества. Великолепны были его показы перед съемкой — и за дедом, и за бабушкой сыграл, и за Куравлевым, да с такими де-

лет, — а то, что он был гениальным человеком.

— Актеры говорят, что объяснить «ходы» внутренне-го перевоплощения почти невозможно, потому, может быть, вспомните, как преодолели в этой работе какие-либо технические трудности?

— Множество сложностей было с гримом. Еще когда студентом ВГИКа я был при-

ми, им потом приходилось час-полтора восстанавливать грим, а вся группа простаивала... Через месяц с лишним, просматривая отснятый материал, М. Донской заметил, что я перестал быть похожим не только на героя, но и на самого себя, похудел. Пришлось открыть ему нашу тайну, а потом изобрести целую систему моего кормления. заливали сквозь почти сжатые зубы мне в рот разные соки, записывали мягкий сыр из тюбиков.

— А с какими проблемами пришлось вам встретиться, занимаясь режиссурой?

— Мой первый фильм, виковский диплом «Вино из одуванчиков» по Рею Брэдбери, был о престарелой вдове, которой забредшие в усадьбу дети не верят, что она тоже была девочкой. Исполнительницу искали среди пожилых актрис, кто еще может выдержать весь тяжелый процесс киносъемки. Нужна была прямо-таки древняя старушка. Наконец в Доме ветеранов сцену нашел М. Дурасову, покинувшую сцену МХАТа еще в 1953 году и подходившую теперь к 100-летию рубежу. Но съемки стали для нее как бы возрождением. Ей уже и ходить было трудно, и текст тяжело учить, не говоря уже об озвучивании, ведь она почти не видела экран и не могла попасть в свою артикуляцию. Но мне совесть не позволяла взять для ее пере-

вы работаете сейчас?

— Ставлю фильм «Идущий следом», где хочу рассмотреть понятие «учитель» как категорию нравственную, духовную.

— А какой метод работы над ролью ближе вам как актеру: все отработать, отшлифовать дома или предпочитаете импровизацию перед камерой?

— Очень люблю импровизировать в уже найденном образе. С хорошими чуткими партнерами это может дать неожиданную интонацию, взгляд, поворот. Что может быть более волнующе, чем реальное, не взвешенное чувство? Помню, как на съемках моего фильма «Не стреляйте в белых лебедях» актриса Нина Русланова так вошла в образ, что по-настоящему отлупила своего мужа, виновного в промахе денег, а фактически — артиста Любшина. И я не мог сказать «стоп», потому что творилось настоящее искусство, сцена шла по живому руслу, я видел перед собой правду, истинную, не выверенную, как в аптеке. Эпизод так и вошел в фильм.

— По экранам прошел фильм «Торпедоносцы», где вы сыграли одну из центральных ролей — летчика Белоброва. Фильм удивительный по степени своей правдивости, выделяющийся своим подходом к материалу среди других лент о войне. Как вы работали над образом Белоброва?

— Хотелось, чтобы мой герой был растворен в едином летном братстве. Это сильная, богатая натура, надежная такими качествами, как цельность, человеческая надежность. Шел я к своему герою не от того, что играл прежде, а от документальных фотографий — от воспоминаний и рассказов детства. У меня, родившегося в 1944-м, к этому времени особенно трепетное отношение. Я вообще рад, что у меня «случилась» такая картина. Во-первых, фильм требовал особого класса игры. Для актера это испытание немалое. Нужна предельная натуральность, естественность, чтобы не оставалось никакого впечатления притворства, неполной правды. От мельчайших деталей костюма, реквизита — все приближено у режиссера С. Арановича к подлинности, все предельно достоверно.

Записал П. ЧЕРНЯЕВ.

СТОП — КАДР

тальями и подробностями, что открывалась целая панорама характеров и типов, целый пласт какой-то забытой нами «биографии» российской глубинки. Шукшин будил в нас дремавшие человеческие струны, а потому работа с ним до сих пор дорога мне как пример «всплеска души».

— Трудно перечислить все фильмы с вашим участием: «Пароль не нужен» и «Нежность», «Это сладкое слово — свобода» и «Валентина», «Перед закрытой дверью» и «Человек, который закрыл город»... А вот ответьте на вопрос, за что вы любите кино?

— За то, что оно требует подчас высшего напряжения всех сил. В детстве примером для подражания у меня был Сергей Гурзо в приключенческом фильме «Смелые люди», отчаянный, ловкий,

глашен на пробы, мне было велено для экспериментов гримеров с моим лицом «освободить площадку». Это значит, мне сняли переднюю часть волос и сбрили брови, так как у Владимира Ильича брови были выше, чем у меня. В таком виде приходилось ходить в институт: на роль еще не утвердили, а «площадку» уже освободили... Потом стало еще труднее. Каждый день грим был разным: сегодня мне 47 лет, завтра — 29, послезавтра — 24. На гримирование каждый раз уходило по пять-шесть часов. Использовались сложнейшие пластические наклейки, гумозы, в одних местах кожу подтягивали, в других утолщали, добываясь портретного сходства. Даже система разгримовывания была особая: одни детали снимали ацетоном, другие